А. Н. СИВАК, Ю. М. ПЕРЕВОЗКИНА, И. А. ФЕДОСЕЕВА

Предикторы субъективного благополучия курсантов в образовательном процессе высшего командного училища

Проблема и цель. В статье анализируется проблема субъективного благополучия курсантов, острота которой обусловлена современными противоречивыми процессами, протекающие в глобализирующемся мире, с особой остротой ставят вопросы развития профессиональных качеств в подготовке военных кадров. Образование военнослужащих высоко ценилось во все времена, опиралось на лучшие образцы, закрепленные в практике, выявляло новые пути повышения эффективности педагогических процессов, основанные на ролевом взаимодействии курсантов и преподавателей. Цель статьи раскрытие закономерностей ролевой детерминации субъективного благополучия курсантов в образовательном процессе военного вуза.

Методология. Ролевая детерминация субъективного благополучия курсантов высшего командного училища рассматривается как регуляторный механизм, обеспечивающий определенное ролевое поведение и активность в рамках усвоенной роли в военном образовательном учреждении, при этом определяется, что специфика процесса обучения в военных вузах построена таким образом, что сформированные роли будут способствовать успешному освоению образовательной программы военного вуза. Для эмпирического доказательства модели спланировано исследование, предполагающее рассмотрение ролей как предикторов субъективного благополучия курсантов высшего командного училища посредством множественного пошагового регрессионного анализа

Результаты. Получена регрессионная модель, объясняющая более 60 % значимой тесной связи девяти ролевых предикторов с переменной откликом – субъективное благополучие ($R = 0,79$). Приводятся данные о статистически значимом влиянии ролевых факторов на переживание субъективного благополучия курсантами ($p \leq 0,001$). Доказывается, что ролевыми предикторами, определяющими высокое ощущение субъективного благополучия и отражающие противоречивое единство, являются роли подчинение нормативам и уставу воинского сообщества с одной стороны (0,35), а с другой стороны реализующие ожидания, относящиеся к роли защитника отечества, победителя, героя (0,3), а также способность к руководству (0,13). Ролевыми предикторами, снижающими субъективное благополучие выступают семейные роли (от -0,12 до -0,39) и деструктивная роль (-0,21).

Заключение. Таким образом, настоящая работа раскрывает влияние формирования ролей у военнослужащих связанных с защитой отечества что демонстрирует специфику образовательного процесса военного вуза направленного на формирование профессиональных качеств будущего офицера с учетом природной гендерной идентификации, обеспечивающей приобретение индивидом соответствующих ценностей, норм гендерного поведения, убеждений, умений и навыков, развитие маскулинной модели поведения.

Ключевые слова: субъективное благополучие, курсанты, военное образование, ролевые предикторы

Ссылка для цитирования:

Сивак А. Н., Перевозкина Ю. М., Федосеева И. А. Предикторы субъективного благополучия курсантов в образовательном процессе высшего командного училища // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38). С. 385-398. doi: 10.32744/pse.2019.2.29

A. N. SIVAK, YU. M. PEREVOZKINA, I. A. FEDOSEEVA

Predictors of subjective prosperity of cadets in the educational process of higher command school

Problem and goal. The paper analyzes the problem of subjective prosperity of cadets, the severity of which is conditioned by modern contradictory processes taking place in the globalizing world, with particular urgency raises issues of the development of professional qualities in the training of military personnel. The education of military personnel was highly appreciated at all times, it was based on the best examples fixed in practice, revealed new ways to increase the efficiency of pedagogical processes grounded on role interaction of cadets and teachers. The purpose of the paper is to reveal regularities of the role determination of subjective prosperity of cadets in the educational process of military high school.

Methodology. Role determination of subjective prosperity of cadets of higher command school is reviewed as a regulatory mechanism that provides a certain role-playing behavior and activity in the framework of the acquired role in a military educational institution, whereupon, it is determined that the specifics of the learning process in military universities is built in such a way that the formed roles will contribute to the successful acquisition of the educational program of the military university. For the empirical proof of the model, a study involving the review of roles as predictors of the subjective prosperity of cadets of the higher command school through multiple step regression analysis is planned

Results. A regression model explaining more than 60% of the significant close relationship between the nine role predictors and the variable response, subjective prosperity ($R = 0.79$), was obtained. The data on the statistically significant influence of role factors on the experience of subjective prosperity by cadets ($p \leq 0.001$) is presented. It is proved that the role predictors, which determine a high sense of subjective prosperity and reflect the contradictory unity, are the roles of subordination to standards and the Regulations of the military community on the one hand (0.35), and realizing expectations related to the role of a defender of the Fatherland, a winner, a hero (0.3), as well as the ability to lead (0.13) on the other hand. Role predictors that reduce subjective prosperity are family roles (-0.12 to -0.39) and the destructive role (-0.21).

Conclusion. This paper reveals the influence of the formation of roles in the military personnel, associated with the defense of the Fatherland, which demonstrates the specifics of the educational process of a military university aimed at the formation of professional qualities of a future officer, taking into account the natural gender identification ensuring the acquisition by an individual of corresponding values, standards of gender behavior, beliefs, and skills, as well as the development of masculine behavior model.

Keywords: subjective prosperity, cadets, military education, role predictors

For Reference:

Sivak, A. N., Perevozkina, Yu. M., & Fedoseeva, I. A. (2019). Predictors of subjective prosperity of cadets in the educational process of higher command school. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*, 38 (2), 385-398. doi: 10.32744/pse.2019.2.29

Постановка проблемы

Актуальность работы продиктована радикальными трансформациями в мире и в России, затронувшими разнообразные сферы жизнедеятельности. Социальные ценности, убеждения и идеалы претерпевают значительные изменения, продиктованные современными вызовами. Происходящие на этом фоне процессы в виде обострения социальных противоречий, реформирования Вооруженных Сил и совершенствования законодательной базы Российской Федерации в военной сфере, приводят к определенным сложностям в подготовке образовательных учреждений достойного пополнения для освоения профессией военнослужащего. Сегодня на государственном уровне рассматривается вопрос об элитном образовании в военных учебных заведениях. Об этом на различных форумах неоднократно высказывались президент РФ В.В. Путин, министр обороны С.К. Шойгу, директор федеральной службы Росгвардии В.Золотов. Это означает, что Росгвардия должна стать брендом всех правоохранительных структур. Такой подход означает подготовку «нового» облика офицера, который качественно и эффективно выполняет профессиональные задачи. Вместе с тем, острота социально-экономических и политических проблем, образовавшийся «разрыв» между прошлыми и насущными социальными ценностями и нормами актуализировали духовный кризис, что отражается на субъективном благополучии военнослужащих.

KangJae Jerry Lee & Sunhwan Hwang [18] убедительно доказано, что одним из значимых предикторов субъективного благополучия выступает образование. Идея обсуждения оптимальности с позиции указанных критериев заключена в обосновании создания микроклимата в образовательном процессе, позволяющего раскрыть курсанту свою индивидуальность и самоопределение, что обеспечит ему достижение максимальных реальных академических результатов в обучении. В настоящее время возникла не только острая потребность, но и объективные возможности для решения задачи оптимального построения образовательного процесса средствами дидактических отношений. Данная ситуация предполагает реализацию ролей, способствующую успешной социализации курсанта в воинском коллективе, а также развитию профессиональных компетенций военнослужащего.

Рассмотрим понятие «комфортность», как содействие в совершенствовании отношения к самому себе, к другим людям, к собственной профессиональной деятельности. Ощущение комфортности курсанта соотносится с его духовной раскрепощенностью, субъективным благополучием. Духовность понимается как индивидуальная выраженность в системе мотивов личности двух базовых потребностей: потребности познания и социальной потребности «быть нужным».

Под комфортностью в образовании понимается создание условий для ощущения внутреннего равновесия, защищенности, уверенности в своих возможностях, самоуважении, уважении окружающих, уверенности в адекватных реакциях членов воинского коллектива. Чувствовать себя комфортно - это означает находиться в гармонии с самим собой и окружающими.

Сопряженное понятие комфортности субъективное благополучие согласно Mohsen Joshanloo [16] включает три компонента: удовлетворенность жизнью, положительный аффект и негативный аффект. Проблема субъективного благополучия активно обсуж-

дается как отечественных, так и зарубежных исследованиях, под которым понимают оценку общей удовлетворенности жизнью [15]. Модель субъективного благополучия (SWB) представляют в своей работе Michael A. Busseri et al. [9]. Трехсторонняя модель субъективного благополучия выделенная авторами включает в себя субъективные оценки прошлого, настоящего и будущего удовлетворения жизни (LS), положительный аффект (PA) и отрицательный аффект (NA). Причем высокая оценка настоящего SWB сопряжена с более высоким положительным психологическим, физическим и межличностным функционированием. С увеличением оценок субъективного благополучия в будущем, траектории SWB были связаны с расстройством и дисфункцией у большинства опрошенных. Основываясь на полученных данных, авторы обосновывают влияния субъективного ощущения времени как детерминанты субъективного благополучия. Подобные данные транслируются в работе Hans-Jürgen Engelbrecht [11] вскрывших закономерности влияния субъективного благополучия на инновационный потенциал и его временную протяженность. Финские ученые Philip S. Morrison & Mikko Weckroth [20] добавляют к выше обозначенным предикторам такие детерминанты как ценность власти и достижения, которые значимо опосредуют уровень субъективного благополучия.

Среди внутренних факторов психологический тип выступает характерным детерминантом субъективного благополучия. Согласно Mandy Robbins & Nicole Hancock [24] экстраверты и мыслительные типы значимо чаще демонстрируют более высокое субъективное благополучие, по сравнению с другими типами. Timothy D. Ritchie et al. [23] доказывают влияние самооценки на уровень субъективного благополучия. Проведенные исследования на трех выборках отражают тот факт, что сниженная самооценка опосредует проявление стресса на работе, в социальном взаимодействии и т.д., ощущение бессмысленности жизни и саморазрушением. Тогда как рефлексивность, эмоциональная дифференциация, осознанность и способность к саморегуляции у студентов вуза обуславливает более высокий уровень субъективного благополучия и духовной зрелости [12]. Исследования, проведенные на обучающихся, также вскрывают значимость внутренних факторов для субъективного благополучия. Jane Gillham et al. [14] посредством корреляционного анализа доказали, что для подростков 9-ых 10-ых классов ($N = 149$) с высоким уровнем субъективного благополучия характерна выраженность сильных личностных качеств и ценностей. Выбрав в качестве критериев субъективного благополучия депрессию, счастье и удовлетворенность жизнью, авторы обнаружили, что преобладание ценностей доброты, работы в команде предсказывали меньшее количество симптомов депрессии. Высокие смысложизненные ориентации и ценность любви определяли большую удовлетворенность жизнью. Схожие данные были получены в работе Mohsen Joshanloo [16], установившим при помощи регрессионного анализа, что оценка негативных жизненных обстоятельств и невротизм негативно предсказывают субъективное благополучие (SWB) у корейской молодежи. Kerry Beduna & Kristin M. Perrone-McGovern [5] посредством структурного моделирования доказали что высокие эмоциональная и интеллектуальная возбудимость значимо и положительно связаны с более высоким эмоциональным интеллектом. В свою очередь более высокий эмоциональный интеллект был значимо положительно связан с более высоким субъективным благополучием. Эти результаты демонстрируют важность эмоционального интеллекта как посредника между эмоциональной и интеллектуальной возбудимостью и субъективным благополучием.

Кроме внутренних факторов, обуславливающих восприятие и оценку субъективного благополучия личности, Jerry Neapolitan [22] указывает на необходимость учета и внешних факторов, таких как доход, статус, демографические изменения, Gonzalo Soltero [26] добавляет культуру и политику. Регрессионный анализ, проведенный John R. Graham et al. [15] позволил определить несколько предикторов удовлетворенности, среди которых социально-демографические, трудовые и стрессовые, объясняющих более чем 52 % дисперсии общей удовлетворенности социальных работников. Проведя систематический обзор 41 работы, в которых рассматривается эффективность учебных мероприятий в отношении их воздействия на субъективное благополучие David Watson et al. [30] пришли к выводу, что в 14 статьях демонстрируется отсутствие влияния на благополучие, при этом в 27 исследованиях обозначается положительное влияние. На основании проведенного исследования авторы делают вывод о том, что в большинстве исследований демонстрируется развитие личных ресурсов, профессиональных возможностей, лидерских навыков посредством обучения, обуславливающих ощущение благополучия на уровне организации. Кроме того, тип работодателя и возраст сыграли важную роль в прогнозировании организационной удовлетворенности. Это определенным образом указывает на важную позицию в субъективном благополучии такой детерминанты как социальные роли, что было убедительно доказано в работе Russell P.D. Burton et al. [8]. С точки зрения Jerry Neapolitan [22] именно теория символического взаимодействия позволяет объяснить субъективное благополучие. Результаты его исследования показывают, что символические инварианты в виде социальных ролей и экспектаций влияют на субъективное благополучие, и это влияние не зависит от их восприятия условного несоответствия или демографических условий жизни. Так в частности в работе Wen-Chun Chang [10] демонстрируется, что гендерные роли и связанные с ними ожидания, а также собственное ощущение соответствия или не соответствия гендерному стереотипу может рассматриваться как показатель субъективного благополучия.

Полученные данные свидетельствуют о том, что восприятие человеком идеалов гендерной роли на рынке труда, семье и политике тесно связано с предписаниями и характеристиками его социальной роли. Также установлено, что соответствие или не соответствие гендерной идентичности приводят к увеличению или уменьшению субъективного ощущения счастья. Среди компонентов макросоциального капитала, включающего экономическое развитие, функционирующие институты и успеваемость в школе наиболее эффективны для ощущения субъективного благополучия символические и когнитивные компоненты [27].

Рассматривая освоение ролевого репертуара как значимую составляющую профессионального становления курсантов, необходимо отметить, что уникальность ролевой структуры в профессиональной сфере, опосредована, по мнению авторов¹, системой мотивов, интересов установок и ориентаций. Н.В. Гусева² предлагает понимать профессиональное самоопределение курсантов как процесс соотнесения личности и профессиональной роли. Именно от осуществления сопряженности между Я-образом и ролевым ликом профессии в самосознании личности, с точки зрения автора, зависит

1 Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2002. 364 с.

Кон И.С. Социологическая психология. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. 560 с.

Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.

2 Гусева Н.В. Профессионально-ролевое самоопределение курсантов вузов МВД России: дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2007. 257 с.

адекватность профессионального самоопределения. Это утверждение до некоторой степени может рассматриваться как гипотеза, которую еще предстоит обсудить более подробно с позиций ролевого подхода, который рассматривает роль, как единицу социального взаимодействия. В концепции символического интеракционизма основным понятием при анализе социализации личности выступает ролевое поведение, а сам процесс социализации представляет поэтапное освоение ролей. Само слово «роль» было заимствовано из старо французского, которым обозначали рулон бумаги с написанной на нем партией актера во французском театре. Ролевые ожидания, понимаемые George H. Mead [19] и его последователями [6] как культурно закрепленные стереотипы, которые включены в конкретные права и обязанности в процессе реализации роли. Именно этот тезис стал базисным в нашем понимании ролевого поведения личности [2], в контексте которого мы предполагаем существование основных ролей, представляющие базисные модели, участвующие в межличностном взаимодействии, адаптации и социализации личности. На центральную позицию роли в контексте профессионального самоопределения указывает И.С. Кон¹, отмечающий дуалистичность этого взаимодействия: с одной стороны личность определяет реализацию роли, с другой стороны, роль влияет на личность, создавая неповторимую ролевую комбинацию. Один из самых главных выводов из сказанного состоит в том, что роли пронизывают все сферы человеческого существования и жизнедеятельности – от личностной сферы – до профессиональной сферы. Освоение ролей в профессиональной сфере отражается в модели индивидуального восприятия ролей Matthew Neale & Mark A. Griffin [21]. Специфика процесса обучения в военных вузах построена таким образом, что сформированные роли будут способствовать успешной социализации будущих офицеров, решению задач на государственном уровне.

Авторы определили, что данная модель базируется на трех составляющих: ролевые ожидания от исполнителя роли в организации; ролевых схемах, основанных на общественных ожиданиях, относительно данной роли; ролевая специфика селф-компонента. В представляемой модели ролевых восприятий авторы доказывают, что профессиональная реализация зависит от убеждений субъекта относительно конкретной роли. Н.В. Гусева² экспериментально доказала влияние курса обучения на развитие профессионально-ролевого самоопределения учащихся военного вуза. Автор обнаружила значимые различия в структуре ролевого пространства курсантов в зависимости от курса обучения ($p < 0,05$). Отмечая важность изучения ролевого поведения, Т.И. Кармазин³, рассматривает его как базисный элемент развития личности и группы. В своем исследовании, автор придерживается тех же взглядов, что и Н.В. Гусева и убедительно доказывает изменение ролевой структуры в зависимости от курса обучения.

Обобщая проведенный анализ исследований ролевого поведения курсантов, необходимо отметить, что успешность профессионального функционирования напрямую связана с освоением ролевого репертуара военнослужащего. В то же время выше было показано, что профессиональная успешность может выступать важным фактором для ощущения субъективного благополучия. Таким образом, мы подошли к цели исследования, предполагающей, что предикторами субъективного благополучия курсантов могут выступать основные ролевые модели.

1 Кон И.С. Социологическая психология. М: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. 560 с.

2 Гусева Н.В. Профессионально-ролевое самоопределение курсантов вузов МВД России: дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2007. 257 с.

3 Кармазин Т.И. Социально-психологические особенности ролевого поведения курсантов вузов сухопутных войск в процессе обучения: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2004. 240 с.

Методология исследования

Прежде чем перейти к эмпирической реализации поставленной цели, необходимо поставить некоторые методологические акценты. В частности, раскрытие ролевого освоения курсантами требует особого понимания взаимодействия внешнего (социальное пространство – представленное в нашем случае ролями) и внутреннего (интернализации ролей и их трансформация в уникальную ролевую структуру, а также регуляция ролевого поведения) [1]. Применительно к социализации такая взаимообратимость раскрывает ассимиляцию субъектом социального опыта (знания, ценности, нормы, роли и т.д.), которые трансформируются в структуру личности, и становятся ее содержанием. Кроме того, это содержание может быть на более высоких уровнях организации ролевой структуры осознанным, радикально влияя на профессиональное становление курсантов и ощущения ими субъективного благополучия. В этом контексте А.В. Карпов указывает на один из наиболее принципиальных вопросов всей психологии – вопрос «осознанной саморегуляции». Следовательно, роль становится регуляторным механизмом, обеспечивая определенное ролевое поведение и активность в рамках усвоенной роли в социальном пространстве. Роли выступают на уровне личности как содержательно-информационные образования, подготавливая индивида к возможным вариантам реального взаимодействия, подчиняя и управляя всеми нижележащими уровнями системы ролевой социализации. В этом виде основные ролевые модели получают статус детерминанты профессионального становления курсантов, успешность которого в свою очередь обуславливает ощущение субъективного благополучия.

Для доказательства выдвинутого предположения проводилось исследование на эмпирической выборке курсантов НВВКУ (400 юношей в возрасте от 17 до 25 лет). В процессе исследования использовались методы для определения ролевого функционирования: методика «Калейдоскоп» (Ю.М. Перевозкина, Л.В. Панышина, О.О. Андронникова, Н.В. Дмитриева¹), «Измерение локуса ролевого конфликта» (ЛРК) П.П. Горностай, Семейные роли и распределения ролей в семье (РРС) Ю.Г. Алешина, Л.Я. Гозман, Г.М. Дубовская и методика для измерения субъективного благополучия «Шкала субъективного благополучия» (ШСБ) А. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche, в адаптации М.В. Соколовой. Установление детерминации и оценка вклада ролевых предикторов в субъективное благополучие² курсантов осуществлялось посредством множественной пошаговой регрессии.

Результаты и их обсуждение

Результаты применения пошаговой множественной регрессии демонстрируют, что девять ролевых параметров тесно и статистически значимо связаны с переменной «субъективное благополучие» ($R = 0,79$; табл. 1). Полученная модель является статистически значимой ($p = 0,000$) и отражает тот факт, что девять переменных выступают предикторами переменной «субъективное благополучие» и обуславливают более 60 % ее изменчивости (показатель КМД = 0,65).

¹ Патент № 2625284 зарегистрирован от 12 июля 2017 г.

² Примечание. Рассчитывался общий балл по тесту, предполагающий суммирование всех субшкал и пересчет в стены.

Таблица 1

Статистические показатели множественной регрессии

Итоговые статистики; ЗП: Субъективное благополучие (Курсанты)	
	Значение
Множест. R	0,791
Множест. R ²	0,650
F(12,352)	15,762
p	0,000
Стд. Ош. Оценки	7,007

Наибольший статистический значимый положительный вклад в модель вносят роли относящиеся к периоду молодости и которые свойственны для возрастного периода курсантов – роли девы и героя (0,3) имеющие противоположные качества (табл. 2). Для девы характерны зависимость и подчиненность, а для героя преодоление препятствий, стремление к победе [2]. Но кажущееся на первый взгляд противоречивое соотношение двух ролей, на самом деле обнаруживает характерные для военнотружущих качества. Так с полной уверенностью можно сказать, что курсанты ощущают полную зависимость от командира, и только находясь в такой зависимости, они испытывают субъективное благополучие. При этом важно уточнить, что благополучие тесно связано с нормативной, правильной жизнью, которое переживают 57 % курсантов (имеют высокий уровень субъективного благополучия, см. рис. 1). Такой подход объясняется с одной стороны, регламентирующим распорядком дня, спецификой учебного заведения, с другой, формированием профессиональных качеств, позволяющих эффективно решать государственные задачи в мирное и военное время.

Рисунок 1 Процентное распределение курсантов по признаку «субъективное благополучие»

Иначе говоря, субъект, подчиняющийся социальным нормам правилам, ощущает благополучие, критерием которого выступает система ценностей, традиций принятая в конкретной культурной среде, в частности воинском коллективе. Согласно В.Н. Дружинину¹ именно военным свойственен один из жизненных сценариев «жизнь по правилам», жизнь подчиненная внешнему сценарию, который избавляет от бремени выбора, сомнений, принятия решений. Курсант ждет, что в любой ситуации за него примут решение, ему поступит приказ на выполнение. Жизнь военнослужащего значительно упрощается, т.к. необходимо четко исполнять принятые в воинском сообществе правила. По данным J. Peter Bradley & Adelheid A. M. Nicol [7] приверженность нормативам воинского коллектива, локус контроля и физическая подготовка значимо предсказывали высокие результаты обучения воинской подготовке курсантов.

Таблица 2

Ролевые переменные в модели и их вклад в изменчивость субъективного благополучия

Предикторы	БЕТА	Ст.Ош. - БЕТА	В	Ст.Ош. - В	t(352)	p-знач.
Св.член			16,69	4,88	7,84	0,000
Локус ролевого конфликта	0,187	0,046	0,11	0,03	4,11	0,000
Роль сексуального партнера	-0,394	0,062	-12,85	2,02	-6,37	0,000
Трикстер	-0,208	0,050	-0,80	0,19	-4,14	0,000
Организатор семейной субкультуры	-0,335	0,056	-10,10	1,70	-5,95	0,000
Роль психотерапевта	-0,268	0,054	-8,47	1,72	-4,93	0,000
Отец	0,132	0,046	0,49	0,17	2,84	0,005
Дева	0,349	0,075	1,01	0,22	4,62	0,000
Герой	0,302	0,073	0,85	0,21	4,13	0,000
Мать	-0,115	0,049	-0,43	0,18	-2,34	0,020

С другой стороны, в рамках подготовки военнослужащего происходит формирование его личности как защитника родины, что сконцентрировано в роли героя. Приобщение к миру военнослужащих, закрытому мужскому сообществу отражает те же функции инициации молодого человека, способного защитить, и только в этом случае он может стать настоящим мужчиной, героем [2]. Полученные нами данные согласуются с результатами исследований Karen Wells [31] доказавшей важность таких качеств у курсантов, как маскулинность, стремление к риску. Необходимо отметить, что весь образовательный процесс военного вуза направлен на формирование профессиональных качеств будущего офицера (таких как честь, высокая нравственность, готовность к самопожертвованию, мужественность, верность Родине) с учетом природной гендерной идентификации, обеспечивающей приобретение индивидом соответствующих ценностей, норм гендерного поведения, убеждений, умений и навыков, развитие маскулинной модели поведения.

Еще два ролевых компонента вносят незначительный вклад в ощущение курсантами субъективного благополучия – роль отца (0,13) и локус ролевого конфликта (0,2). Роль отца также предполагает некоторую ригидность, приверженность традициям с одной стороны, а с другой – это способность к руководству [2]. Указанное можно охарактеризовать одной фразой: «какой солдат не мечтает быть генералом». Только на-

1 Дружинин В.Н. Очерки экзистенциальной психологии. СПб.: Питер, 2010. 160 с.

учившись подчиняться правилам, курсант может впоследствии сам стать командиром и осуществлять руководство воинским коллективом, к чему их и готовят в командном военном училище. Относительно второго ролевого фактора – локуса ролевого конфликта можно отметить, что при более высоких значениях диагностируется интернальный локус ролевого конфликта, сопровождающийся ориентацией на собственные интересы и пренебрежением социальных нормативов (см. рис. 2).

Рисунок 2 Процентное распределение по типам локуса ролевого конфликта во всей выборке курсантов

Необходимо указать, что количество курсантов с таким локусом ролевого конфликта от всей выборки составило всего лишь 8 %. Тогда как большинство курсантов (60 %) обладают промежуточным типом, гибко сочетающим личные потребности и социальные правила и нормы. Это свидетельствует о том, что к третьему курсу курсанты адаптируются к условиям военного образовательного учреждения и не испытывают ролевой конфликт, ощущая при этом субъективное благополучие, эмоциональный комфорт. В контексте полученных результатов важно отметить, что основные направления по обеспечению профессионализма военнослужащих в условиях образовательного учреждения неразрывно связаны с формированием ролей обуславливающих эффективное ролевое взаимодействие подчинения-управления. С целью создания комфортных условий, детерминирующих субъективное благополучие курсантов необходимо формирование у будущих офицеров социально-педагогической культуры, включающей нормы и правила ролевого поведения, духовно-нравственного развития, активизацию внутренних побуждений к реализации ролевого поведения военнослужащего.

Анализируя воспитательный процесс в историко-педагогической ретроспективе отметим, что основу его всегда составляла глубокая нравственность, которая позволила сформировать такие черты характера как национальная стойкость, свободолюбие, жертвенность, патриотизм. Эти качества явились той жизнеутверждающей силой, которая помогла выстоять России в трудное время, провоевать две трети своей жизни, побеждать отступая. Однако с уходом «всесильного и верного учения Маркса», рухнули воспитательные системы, сопровождающиеся деформацией ценностных ори-

ентаций современной молодежи, усилением потребительского отношения к жизни. Процессы, происходящие в постсоветский период, как зеркало отражались в армейской среде, что привело к излишнему прагматизму, частичной девальвации ценности служения обществу и государству.

Среди предикторов вносящих отрицательный вклад в переживание субъективного благополучия курсантами командного училища можно назвать в порядке убывания «Роль сексуального партнера» (-0,39), «Роль организатора семейной субкультуры» (-0,34), «Роль психотерапевта» (-0,27) и роль трикстера» (-0,21). Выше приведенные данные демонстрируют, что курсанты с преобладанием разных аспектов семейных ролей, которые проявляются в активности в сфере сексуальности, в решении проблем с партнером, в формировании у членов семьи культурных ценностей – не испытывают субъективного благополучия в условиях военного образовательного учреждения. И такой результат вполне очевиден, т.к. курсант, находясь большую часть времени в закрытом образовательном учреждении не имеет возможности создать семью и реализовать семейные роли. В исследовании Man Mandy Fong & Hugh T. J. Bainbridge [13] доказывается, что субъективное благополучие собой, своим партнером у мужчин тесно связаны с количеством того времени, которое они проводят в семье, возможностью распределении своего времени в роли отца и партнера. Напротив, как отмечают Ken R. Smith & Phyllis Moen [25] семейные роли у женщин в период фертильности доминируют в ее жизни. Тогда как во второй половине жизни, когда дети покидают родительское гнездо или же супруги разводятся женщина большую часть времени старается уделить работе и у нее превалируют социальные роли в профессиональной сфере. Особняком стоит деструктивная роль трикстера, которая, по мнению Ю.М. Перевозкиной с коллегами [2], характеризуется экспрессивностью, эксцентричностью, подверженностью эмоциональным порывам, стремлению выражать свои мысли и чувства необычно, неожиданно, парадоксально, нестандартно и как правило ставящая себя против нормативов и правил общества. Такое поведение у курсантов вступает в противоречие с жизнью по уставу в командном училище и не способствует ощущению субъективного благополучия курсантов. Более того результаты наших исследований демонстрируют, что роль трикстера 74 % курсантов соотносят с экстремистом [2], тогда как с патриотом ассоциируется роль старика и героя. По данным Czkán Uğurlu et al. [29] при обучении курсантов важно учитывать фактор нестабильности, поспешности негативно влияет на деятельность моряков и довольно часто приводит к несчастным случаям на флоте.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд выводов, первый из которых предполагает, что ролевые компоненты могут выступать надежными индикаторами переживания субъективного благополучия курсантами. Ролевые факторы (основные роли, семейные роли и локус ролевого конфликта) непосредственно влияют на уровень субъективного благополучия, выступая на уровне личности как содержательно-информационные образования, подготавливая курсанта к возможным вариантам взаимодействия в рамках высшего военного образовательного учреждения. В этом виде основные ролевые модели получают статус детерминанты профессионального становления курсантов, успешность которого в свою очередь обуславливает ощущение субъективного благополучия. Именно от них зависит профессиональная подго-

товка офицера, элиты военного сообщества, сочетающего высокий профессионализм, с духовно-нравственным воспитанием, сохранением и приумножением культурных ценностей.

Преобладание ролей связанных с защитой отечества свидетельствует, что весь образовательный процесс военного вуза направлен на формирование профессиональных качеств будущего офицера (таких как честь, высокая нравственность, готовность к самопожертвованию, мужественность, верность Родине) с учетом природной гендерной идентификации, обеспечивающей приобретение индивидом соответствующих ценностей, норм гендерного поведения, убеждений, умений и навыков, развитие маскулинной модели поведения.

Ролевыми предикторами, определяющими высокое ощущение субъективного благополучия и отражающие противоречивое единство, являются роли подчинение нормативам и уставу воинского сообщества с одной стороны, а с другой стороны реализующие ожидания, относящиеся к роли защитника отечества, победителя, героя, а также способность к руководству. Следовательно, роли, являясь социальным продуктом, ассимилируются личностью курсанта и становятся регуляторными механизмами, обеспечивая определенное ролевое поведение и активность в рамках усвоенной роли военнослужащего в условиях образовательного учреждения. Сформированная система ценностей, являясь внутренним регулятором поведения, позволяет эффективно решать государственные задачи в мирное и военное время.

К третьему курсу обучения большинство курсантов испытывают высокое субъективное благополучие, связанное с промежуточным типом локуса ролевого конфликта, гибко сочетающим личные потребности и социальные правила и нормы. Это свидетельствует о том, что к третьему курсу курсанты адаптируются к условиям военного образовательного учреждения и не испытывают ролевого конфликта, ощущая при этом субъективное благополучие и эмоциональный комфорт. Таким образом,

Ролевые предикторы, обуславливающие снижение субъективного благополучия связаны с семейными и деструктивными ролями. Курсанты с преобладанием разных аспектов семейных ролей не испытывают субъективного благополучия в условиях военного образовательного учреждения, т.к. не имеет возможности реализовать семейные роли в данный момент. Деструктивная роль у курсантов вступает в противоречие с жизнью по уставу в командном училище, и не способствует ощущению субъективного благополучия курсантов, определяя негативную установку в отношении социальных требований, эмоциональную неуравновешенность, низкий самоконтроль, ориентацию на эгоистические интересы и конфликтность во взаимодействии. Это предполагает умение своевременно и правильно определить ролевую структуру учебной группы, владение методами коррекции системы ролевых отношений в курсантском коллективе, что повысит эффективность управленческого воздействия в ходе обучения военнослужащих.

REFERENCES

1. Karpov A.V., Karpov A.A., Subbotina L.Yu. Methodological and methodological foundations of the study of metacognitive determinants of organization of activity. *Russian Psychological Journal*. 2017. vol. 4. no. 1, pp. 149-175. DOI: 10.21702/rpj.2017.1.10 (in Russian)
2. Perevozkin S.B., Perevozkina Yu.M., Panshina L.V. Impersonal features of successful professional socialization of youth. *Scientific notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*. 2016. vol. 26. no. 2 pp. 38-43. <https://elibrary.ru/item.asp?id=28929377> (in Russian)
3. Sivak A.N., Bolotin A.E. Requirements for graduates of universities of internal troops of the Ministry of Internal

- Affairs of Russia for the effective implementation of service and combat tasks. *Scientific notes of the P.F. Lesgaft's university scientific journal*. Saint-Petersburg, NSU named after P.F. Lesgaft, 2012. vol. 92. no. 10. pp. 30-35. <https://elibrary.ru/item.asp?id=18190576> (in Russian)
4. Fedoseeva I.A., Perevozkin Yu.M., Dobrodomov R.N. Conceptual bases of patriotic education. *CITIS*. 2018. no. 1. pp. 14. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35217407> (in Russian)
 5. Beduna K. & Perrone-McGovern K.M. Relationships Among Emotional and Intellectual Overexcitability. *Emotional IQ, and Subjective Well-Being*. 2016. Vol. 38. Issue 1. P. 24-31. DOI: 10.1080/02783193.2015.1112862
 6. Burdess N. Role Theory and the Local Planner. *Urban Policy and Research*. 1987. Vol. 5. Issue 3. P. 126-131 DOI: 10.1080/08111148708551305
 7. Bradley J. P. & Nicol A. A. M. Predictors of Military Training Performance for Officer Cadets in the Canadian Forces. *Military Psychology*. 2006. Vol. 18. Issue 3. P. 219-226. DOI: 10.1207/s15327876mp1803_3
 8. Burton R.P.D., Armstrong D.A. & Rushing B. Social roles and subjective well-being: A decomposition of race differences. *Sociological Spectrum*. 2010. Vol. 13. Issue 4. P. 415-431. DOI: 10.1080/02732173.1993.9982042
 9. Busseri M.A., Choma B.L. & Sadava S.W. Subjective temporal trajectories for subjective well-being. *The Journal of Positive Psychology*. 2011. Vol. 7. Issue 1. P. 1-15. DOI: 10.1080/17439760.2011.565784
 10. Chang W.-C. Identity, Gender, and Subjective Well-Being. *Review of Social Economy*. 2009. Vol. 69. Issue 1. P. 97-121 DOI: 10.1080/00346760902756495
 11. Engelbrecht H.-J. The (social) innovation – subjective well-being nexus: subjective well-being impacts as an additional assessment metric of technological and social innovations. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2017. DOI: 10.1080/13511610.2017.1319262
 12. Frederick T., Purrington S. & Dunbar S. Differentiation of self, religious coping, and subjective well-being. *Mental Health, Religion & Culture*. 2016. Vol. 19. Issue 6. P. 553-564. DOI: 10.1080/13674676.2016.1216530
 13. Fong M.M. & Bainbridge H.T. J. Working fathers: determinants of time allocation to work and family roles. *Labour & Industry: a journal of the social and economic relations of work*. 2016. Vol. 26. Issue 3. P. 203-219. DOI: 10.1080/10301763.2016.1214797
 14. Gillham J., Adams-Deutsch Z., Werner J., Reivich K., Coulter-Heindl V., Linkins M., Winder B., Peterson C., Park N., Abenavoli R., Contero A. & Seligman M.E.P. Character strengths predict subjective well-being during adolescence. *The Journal of Positive Psychology*. 2011. Vol. 6. Issue 1. P. 31-44. DOI: 10.1080/17439760.2010.536773
 15. Graham J R., Bradshaw C., Surood S. & Kline T.J.B. Predicting Social Workers' Subjective Well-Being. *Human Service Organizations: Management, Leadership & Governance*. 2014. Vol. 38. Issue 4. P. 405-417. DOI: 10.1080/23303131.2014.938584
 16. Joshanloo M. Factor Structure of Subjective Well-Being in Iran. *Journal of Personality Assessment*. 2015. Vol. 98. Issue 4. P. 435-443 DOI: 10.1080/00223891.2015.1117473
 17. Joshanloo M. Fragility of happiness moderates the influence of negative predictors of subjective well-being. *Anxiety, Stress & Coping*. 2018. Vol. 31. Issue 2. P. 222-227. DOI: 10.1080/10615806.2017.1422094
 18. Lee K. J. & Hwang S. Serious leisure qualities and subjective well-being. *The Journal of Positive Psychology*. 2017. Vol. 13. Issue 1. P. 48-56. DOI: 10.1080/17439760.2017.1374437
 19. Mead G.H. The Social Self. *Psychiatry*. 1978. Vol. 41. Issue 2. P. 178-182 DOI: 10.1080/00332747.1978.11023971
 20. Morrison P.S. & Weckroth M. Human values, subjective well-being and the metropolitan region. *Regional Studies*. 2017. Vol. 52. Issue 3. P. 325-337. DOI: 10.1080/00343404.2017.1331036
 21. Neale M. & Griffin M.A. A Model of Self-Held Work Roles and Role Transitions. *Human Performance*. 2006. Vol. 19. Issue 1. P. 23-41. DOI: 10.1207/s15327043hup1901_2
 22. Neapolitan J. General symbolic definitions and subjective well-being. *Sociological Spectrum*. 2010. Vol. 8. Issue 2. P. 153-168. DOI: 10.1080/02732173.1988.9981848
 23. Ritchie T.D., Sedikides C., Wildschut T., Arndt J. & Gidron Y. Self-concept Clarity Mediates the Relation between Stress and Subjective Well-being. *Self and Identity*. 2010. Vol. 10. Issue 4. P. 493-508. DOI: 10.1080/15298868.2010.493066
 24. Robbins M. & Hancock N. Subjective well-being and psychological type among Australian clergy. *Mental Health, Religion & Culture*. 2015. Vol. 18. Issue 1. P. 47-56. DOI: 10.1080/13674676.2014.1003171
 25. Smith K.R. & Moen P. Passage Through Midlife: Women's Changing Family Roles and Economic Well-Being. *The Sociological Quarterly*. 1988. Vol. 29. Issue 4. P. 503-524. DOI: 10.1111/j.1533-8525.1988.tb01431.x
 26. Soltero G. Cultural Policy and Subjective Well-Being in Mexico. *The Journal of Arts Management, Law, and Society*. 2018. DOI: 10.1080/10632921.2017.1422835
 27. Stanzani S. Dimensions of social capital and subjective well-being: evidence from Italy. *International Review of Sociology*. 2014. Vol. 25. Issue 1. P. 129-143. DOI: 10.1080/03906701.2014.977586
 28. Taghizadeh Z., Ebadi A., Mohammadi E., Pourreza A., Kazemnejad A. & Bagherzadeh R. Individual consequences of having work and family roles simultaneously in Iranian married women. *Women & Health*. 2017. Vol. 57. Issue 1. P. 52-68. DOI: 10.1080/03630242.2016.1150388
 29. Uğurlu Ö., Kum S. & Aydoğdu Y.V. Analysis of occupational accidents encountered by deck cadets in maritime transportation. *Maritime Policy & Management*. 2017. Vol. 44. Issue 3. P. 304-322. DOI: 10.1080/03088839.2016.1245449
 30. Watson D., Tregaskis O., Gedikli C., Vaughn O. & Semkina A. Well-being through learning: a systematic review of learning interventions in the workplace and their impact on well-being. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2018. Vol. 27. Issue 2. P. 247-268. DOI: 10.1080/1359432X.2018.1435529
 31. Wells K. Marching to be somebody: a governmentality analysis of online cadet recruitment. *Children's Geographies*. 2014. Vol. 12. Issue 3. P. 339-353. DOI: 10.1080/14733285.2014.922680

Информация об авторах

Сивак Александр Николаевич

(Россия, Санкт-Петербург)

Доктор педагогических наук, заместитель начальника
по научной работе

начальник научно-исследовательского и
редакционно-издательского отдела

Санкт-Петербургский военный институт войск
национальной гвардии Российской Федерации

E-mail: alexzig@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0063-8445

Перевозкина Юлия Михайловна

(Россия, Новосибирск)

Кандидат психологических наук, доцент, заведующий
кафедрой практической и специальной психологии,
Новосибирский государственный педагогический
университет

E-mail: per@bk.ru

ORCID ID: 0000-0003-4201-3988

Федосеева Ирина Александровна

(Россия, Новосибирск)

Доктор педагогических наук, профессор кафедры
практической и специальной психологии,
Новосибирский государственный педагогический
университет

E-mail: fedoseevairina60@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-6549-0886

Information about the authors

Alexander N. Sivak

(Russia, Saint-Petersburg)

Doctor of Pedagogical Sciences,

Deputy Head for Research

Head of the Research

and Publishing Department

Saint-Petersburg Military Institute of National Guard

Troops of the Russian Federation

E-mail: alexzig@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0063-8445

Yuliya M. Perevozkina

(Russia, Novosibirsk)

PhD in Psychological Sciences,

Associate Professor, Head of the Department of Practical
and Special Psychology

Novosibirsk State Pedagogical University

E-mail: per@bk.ru

ORCID ID: 0000-0003-4201-3988

Irina A. Fedoseeva

(Russia, Novosibirsk)

Doctor of Pedagogical Sciences,

Professor of the Department of Practical and Special
Psychology

Novosibirsk State Pedagogical University

E-mail: fedoseevairina60@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-6549-0886